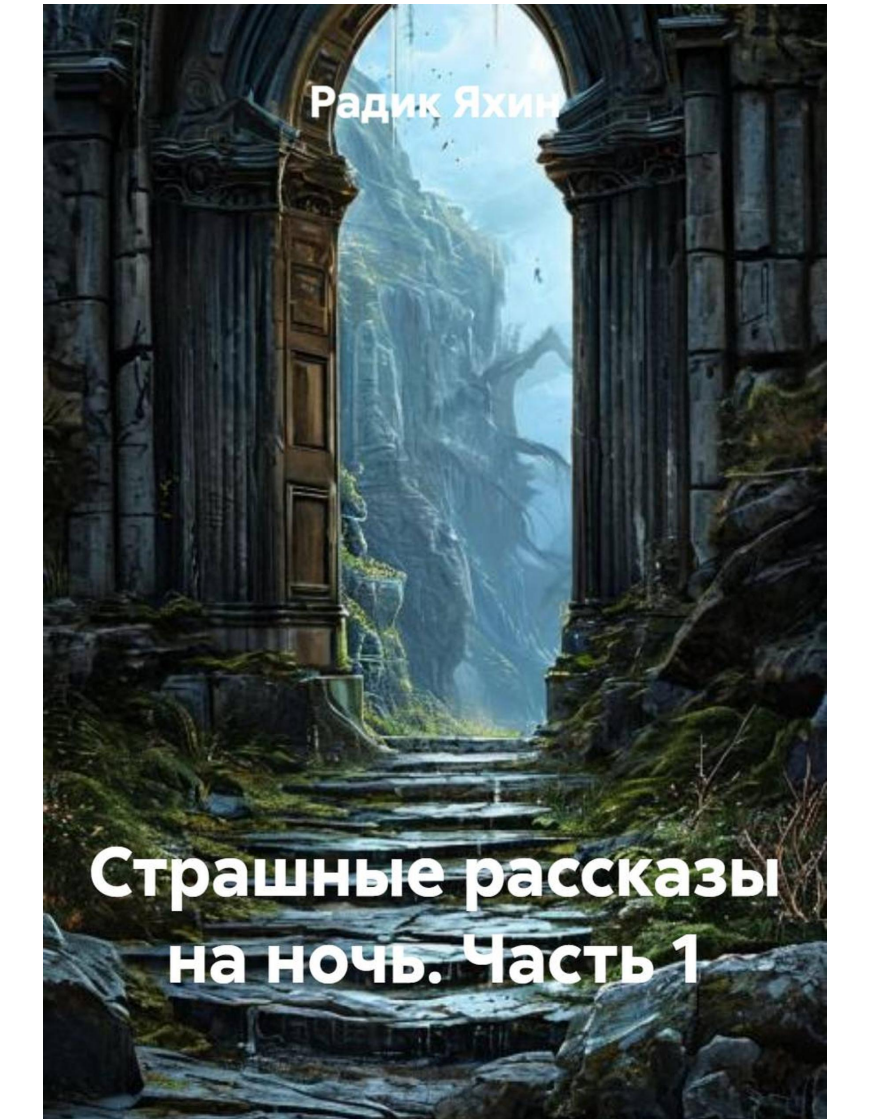

Радик Яхин

Страшные рассказы на ночь. Часть 1

Радик Сайфетдинович Яхин

Страшные рассказы на ночь. Часть 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73093853

SelfPub; 2026

Аннотация

Есть тайны, которые лучше не раскрывать. Есть двери, которые не стоит открывать. Но что, если сама реальность подталкивает вас к краю бездны, где шепот становится криком, а тени обретают плоть?

Радик Яхин

Страшные рассказы на ночь. Часть 1

ТЕНЬ, ЧТО Я ЗНАЛА

Просыпаться стало больно. Каждое утро – это разрыв: из небытия в слишком яркий, слишком громкий мир, где я не знаю своего имени. Вернее, знаю. Мне говорят. «Доброе утро, Лиза», – звучит голос из динамика над койкой. Лиза. Меня зовут Лиза. Но это знание лежит на поверхности, как надпись на чужой одежде. Оно не греет, не отзывается эхом внутри.

А внутри – пустота. Белая, стерильная, бесконечная. Врач, которого я зову просто Доктор, говорит, что это временно. Посттравматическая амнезия. Реакция психики на ужасное событие, которое она отказывается принять. Какое событие? Он качает головой. «Ваша психика сама подскажет, когда будет готова, Лиза. Принуждать её – опасно».

Мой мир – это комната. Не больничная палата, нет. Это что-то среднее между роскошной спальней и лабораторным боксом. Большая кровать, мягкий ковёр, картины на стенах – абстрактные, ни о чём. Но нет зеркал. И нет окон. Только экран, на который в определённые часы проецируется вид

из якобы моего окна: парк, пруд, смена времён года. Идеальный, безжизненный. Дверь открывается только по коду, который знают Доктор и сиделка, Анна. Анна молчалива, её движения точны и безличны, как у робота.

Мой единственный якорь – Марк. Мой муж. Он приходит каждый вечер, ровно в семь. Красивый, ухоженный, с неизменной грустью в карих глазах. Он приносит мне вещи: мою старую книгу (стихи Ахматовой, закладка на странице с «Мне голос был...»), мою любимую шаль, фотографии.

«Вот наш дом, Лиза, – говорит он, показывая снимок светлого особняка. – Ты так любила сад. Вот мы в Венеции. Помнишь, как ты промочила туфли?»

Я смотрю на фотографии, на его лицо, ищу искру узнавания. Иногда что-то дрогнет – смутное ощущение тепла, обрывок запаха (кофе, цитрус?). Но потом провал. Словно я смотрю фильм о чужой, счастливой жизни.

«Что со мной случилось, Марк?» – спрашиваю я в сотый раз.

Он берёт мою руку, его пальцы тёплые, но в их прикосновении есть какая-то осторожность, будто я хрустальная.

«Автокатастрофа, солнышко. Ты вела машину. Вылетела с трассы... Это был ужасный шок для нас обоих».

«А почему нет окон? Почему я не могу выйти?»

«Ты... у тебя бывают эпизоды, Лиза. Панические атаки. Ты можешь навредить себе. Доктор говорит, это часть процесса исцеления. Нужно время».

Его объяснения гладки, как галька. Но что-то в них не сходится. Почему во сне я вижу не обрывки аварии, а тёмную воду? Почему я просыпаюсь с криком, и на языке ощущение соли? Почему, когда Марк думает, что я сплю, я иногда ловлю на себе его взгляд – изучающий, оценивающий, без тени той нежности, с которой он говорит?

Я начинаю коллекционировать нестыковки. Это становится игрой, единственной, что у меня есть.

Во-первых, мои руки. На фотографиях, которые приносит Марк, «я» – утончённая блондинка с длинными, ухоженными пальцами пианистки. Мои же руки сильнее, ладони покрыты едва заметными, старыми мозолями в определённых точках. Как от... весла? Инструмента? Я не знаю.

Во-вторых, сны. В них нет машин. В них есть лодка. Качка под ногами, скрип дерева, туман над холодной, тёмной водой. И чувство – острое, животное – преследования. Кто-то идёт за мной по скользкому пирсу. Шаги тяжёлые, ровные.

В-третьих, Анна. Однажды, когда она ставила поднос с завтраком, рукав её халата закатился. На запястье – татуировка. Небольшая, стилизованная волна. Такая же волна была на обложке блокнота, который я нашла под матрасом (откуда он там взялся? Я его не клала). Я рискнула.

«Красивая татуировка», – сказала я.

Она дёрнулась, как от удара током, и мгновенно поправила рукав. Её глаза, обычно пустые, на секунду наполнились

паникой. Она не сказала ни слова, вышла. Больше я эту та-туировку не видела.

И последнее, самое главное – запах. Марк пахнет дорогим парфюмом, сандалом и кожей. Но иногда, когда он наклоняется ко мне, от него веет другим, глубинным запахом – йодом, сыростью и водорослями. Запахом моря. Или большого озера.

Я начинаю тихо бунтовать. Отказываюсь от таблеток, которые Анна приносит после ужина («для спокойного сна»). Выплёвываю их в цветочный горшок с бегонией, которая почему-то не хочет цвести. По ночам, вместо сна, я изучаю комнату. Дотрагиваюсь до стен, ищу люки, скрытые панели. В одну из таких ночей я нажимаю на завиток в резной деревянной панели у изголовья кровати. Тихий щелчок. Небольшой отсек открывается.

Внутри лежит ключ. Старомодный, железный, холодный. И фотография. Не постановочная, а любительская, снятая скрытой камерой. На ней – я. Но не та утончённая Лиза с других снимков. Я в простой одежде, волосы собраны в небрежный хвост, лицо напряжённое, испуганное. Я стою у перил парома или большой лодки. За моей спиной – водная гладь и вдаль – силуэт какого-то острова с высокой башней. Я что-то сжимаю в руке. Конверт?

Сердце заколотилось так, будто хотело вырваться из груди. Это я. Настоящая. И я была напугана. Я прячу ключ и фото в самое надёжное место – в подкладку подушки. Те-

перь у меня есть тайна. Моя первая настоящая память. Или её намёк.

На следующий день после визита Марка в комнате происходит сбой. Экран с видом из «окна» вдруг меркнет, на нём появляются полосы, звучит шипение. И сквозь него – голос. Женский, сбивчивый, полный отчаяния.

«...не слушай их... остров... маяк... он найдёт...»

Голос длится не больше пяти секунд. Потом изображение возвращается: идеальный солнечный день в парке.

Я онемела. Это был не голос Анны и не запись. Это была живая, испуганная женщина. И она говорила со мной. Или я перехватила чужой сигнал? «Остров». «Маяк». Это совпало с фотографией.

В тот вечер Марк пришёл раньше. Он был натянут, как струна.

«Анна говорит, у тебя была бессонная ночь. И ты отказалась от лекарств».

«Мне снятся кошмары. Про воду», – сказала я, наблюдая за ним.

Его лицо дрогнуло. «Какая вода?»

«Лодка. Туман. Кто-то преследует меня».

Он сел на край кровати и взял мою руку. На этот раз его хватка была твёрдой, почти болезненной.

«Лиза, это очень важно. Ты должна перестать копаться в этих... обрывках. Это не память. Это мозг, пытающийся сло-

жить историю из хаоса. Ты можешь навредить себе. Доверься мне. Доверься Доктору».

В его глазах я увидела не заботу, а страх. Мой муж боялся. Боялся моих воспоминаний.

«Кто такая Лиза?» – неожиданно для себя спросила я.

Он замер. «Что? Ты и есть Лиза».

«Та Лиза, что на фотографиях – она любила розы, Шопена и сладкий чай. Я ненавижу розы. Их запах вызывает тошноту. Я предпочитаю крепкий кофе. И мне противен Шопен». Я слышала, как голос мой крепнет, обретает уверенность, которой в нём не было с момента пробуждения. «Кто я, Марк?»

Он отпустил мою руку, встал. Его лицо стало маской, красивой и холодной.

«Ты больна, Лиза. И твоя болезнь заставляет тебя говорить глупости. Завтра Доктор увеличит дозу нейролептиков. Тебе нужен покой».

Он ушёл, не дождавшись ответа. А я лежала и смотрела на потолок, ощущая ключ под щекой. Он был моей правдой. Холодной, железной, неоспоримой.

Ночью я слышала звуки за дверью. Приглушённые голоса – Марка и Доктора.

«...прогрессирует быстрее, чем мы ожидали... импринтинг нестабилен...»

«...должны ускорить второй этап... не можем рисковать...»

«...а если она вспомнит всё?»

Тишина. Потом голос Марка, тихий и леденящий:

«Она не вспомнит. Мы позаботимся об этом. Увеличьте седацию. А завтра начнём гипнотерапию. Нужно закрепить новую личность, пока старая не разрушила всё».

Новая личность. Старая личность. Импринтинг. Слова бились в висках, как отчаянные птицы о стекло. Я была не пациенткой. Я была проектом. Экспериментом.

У меня не было завтра. Я поняла это. «Увеличить седацию» означало превратиться в овощ, в послушную куклу, которая будет верить, что она Лиза. Которая забудет про ключ, про запах моря, про голос в статике.

Я действовала инстинктивно. Когда Анна вошла утром с подносом и шприцем, я изобразила глубокий сон. Она поставила поднос, подошла ко мне, наклонилась. В этот момент я ударила. Не кулаком – подушкой, в которую был зашит ключ. Попала ей в лицо, сбила очки. Пока она вскрикнула и отшатнулась, я скатилась с кровати и бросилась к двери. Код. Мне нужен был код.

Я рванулась не к основной двери, а в маленькую ванную комнату. Там, за зеркалом аптечки, как я заметила ранее, была панель с проводкой. Я разбила зеркало локтем, не чувствуя боли. Искала, рылась в проводах. Где-то здесь должен быть аварийный выход! Любое помещение, даже тюремное, должно иметь вентиляцию.

Я нашла её за панелью под раковиной – решётку вентиляционного канала. Ключ подошёл. Не к замку, но я смогла им открутить винты, державшие решётку. Тесный, тёмный туннель. Я поползла, не думая о пауках, о крысах, о том, куда он ведёт. Позади раздался крик Анны, потом сигнализация.

Канал вывел меня в техническое помещение, заваленное старыми коробками. Пахло пылью и озоном. На одной из коробок был логотип: «Институт когнитивных исследований „Нейрон“». Я выскользнула в коридор. Здесь были обычные двери, окна. Окна! Я подбежала к одному из них. Вместо парка – промышленная зона, дымящие трубы на горизонте. Вид из моей комнаты был фальшивкой. Весь мой мир был фальшивкой.

Я бежала по пустынным коридорам, спускалась по лестницам, пока не увидела аварийный выход. Вышибла дверь плечом и вырвалась на улицу. Холодный воздух ударил в лицо. Шёл дождь. Это был самый прекрасный запах в мире – запах свободы, дождя и настоящей грязи под ногами.

Я бежала, не зная куда. В кармане больничных брюк я нашла несколько монет и смогла дозвониться с таксофона до единственного номера, который вертелся у меня в голове. Номера с фотографии парома. Это была служба информации порта. Я, задыхаясь, спросила про остров с маяком.

«О, это Скала Совы. Заброшенный остров в архипелаге. Там раньше был маяк, теперь автоматический. Только рыбаки иногда...»

«Как туда добраться?»

«Рейсовый паром раз в день, от пирса номер три. Но вы что, турист? Туда нечего смотреть, и погода...»

Я бросила трубку. У меня был пункт назначения.

Путь на пароме был смутным кошмаром. Каждая тень казалась мне Марком или Анной. Я боялась смотреть на воду – она вызывала приступы головокружения и вспышки в мозгу: обрывки крика, брызги, чьи-то руки... Чужие руки, которые тянули меня на дно? Или, наоборот, я тянула кого-то?

На острове был лишь ветер, крики чаек и одинокий, ржавый маяк. И дом смотрителя, давно заброшенный. Дверь была заперта. Мой ключ – тот самый, из тайника – подошёл к замку идеально.

Внутри царил хаос. Кто-то здесь жил – недавно. Консервные банки, спальный мешок, разбросанные бумаги. И фотографии. Десятки фотографий на стенах. На них была я. Я в городе, я в магазине, я на этом самом пароме. Фотографии слежки.

А на столе лежал дневник. Толстая тетрадь в кожаной обложке. Я открыла её дрожащими руками.

«Они нашли меня. Я знала, что это произойдёт. „Нейрон“ не оставляет своих подопытных. Особенно тех, кто всё понял. Особенно тех, кто сбежал...»

Я читала, и мир рушился и складывался заново, уже в правильном, чудовищном порядке.

Меня звали не Лиза. Меня звали Карина. Я была не женой Марка, а учёным-нейробиологом. Я работала в «Нейроне» над проектом по имплантации ложных воспоминаний и созданию синтетических личностей для... для кого? Дневник пестрел намёками: «заказчики из силовых структур», «корпоративные клиенты, желающие избавиться от неудобных людей». Мы стирали одни личности и внедряли другие. Я была одним из ведущих специалистов.

Пока не поняла, на что идут наши разработки. Пока не узнала про «Клиентов», которые хотели не лечить, а подменять людей – политиков, свидетелей, своих жён и мужей. Я решила сбежать, прихватив доказательства. Доказательства, которые спрятала. Где? Я не написала. Видимо, боялась, что дневник попадёт в чужие руки.

Марк был не мужем. Он был главой службы безопасности «Нейрона». Его задачей было вернуть меня и либо стереть мне память полностью, заменив её новой, послушной личностью (Лизой), либо устранить. Авария была инсценировкой. А «лечение» – процессом импринтинга. Они вживляли мне воспоминания Лизы, подавляя мои настоящие. Но что-то пошло не так. Моя натуральная личность оказалась сильнее. Она прорывалась в снах, в мышечной памяти, в инстинктах.

Последняя запись в дневнике была сделана три недели назад:

«Они близко. Я знаю, что не смогу от них убежать. Но

они не получают доказательств. Они спрятаны там, где начала свой путь настоящая я. В месте моего самого раннего, самого чистого воспоминания. Ключ от маяка — ключ к правде. Если кто-то найдёт этот дневник... ищи детскую лодку. Ищи начало.»

Детская лодка. Я закрыла глаза, и оно пришло — не как обрывок, а как целый, объёмный мир. Лето. Дача. Маленькое озерцо. Синяя пластиковая лодка в форме лебедя. Отец учит меня грести. Его смех. Запах нагретой пластмассы и воды. Я прятала в ней свои детские секреты. Прятала...

Я бросилась из дома. Ветер рвал одежду. Я бежала по камням к старому, полуразрушенному пирсу. И там, в его конце, вросшая в гнилые доски, лежала она — та самая синяя лодка-лебедь, старая, треснувшая, но узнаваемая. Я перевернула её. В днище была выдолблена ниша. Завёрнутый в непромокаемый пакет лежал маленький жёсткий диск.

В этот момент я услышала шум мотора. Катер. Он приближался к острову. На носу, приставив бинокль к глазам, стоял Марк. Рядом с ним — Доктор и двое людей в чёрном.

Правда была у меня в руках. Но какой ценой? Они не оставят меня в живых. Не оставят свидетеля.

Я посмотрела на жёсткий диск, на приближающийся катер, на бурную воду. И тут мой взгляд упал на маяк. Высокий, молчаливый страж. Я вспомнила слова из дневника: «Маяк показывает путь. Но он же может и ослепить».

У меня был ключ. И у меня был план.

Я ворвалась в маяк, поднялась по скрипучей винтовой лестнице на самый верх, в комнату с линзой Френеля. Старое оборудование было демонтировано, но остались блоки питания, провода. Я не зря была нейробиологом – с электроникой я тоже дружила. Жёсткий диск был защищён. Но его данные можно было передать. Нужен был сигнал.

Я разбила защитное стекло линзы. Ветер ворвался внутрь. Пока Марк и его люди высаживались на берег, я, дрожащими руками, соединяла провода от аварийного аккумулятора маяка (он ещё сохранял слабый заряд) к старой радиопередающей аппаратуре, а от неё – через импровизированный переходник – к жёсткому диску. Это был отчаянный, безумный план. Но у меня не было выбора.

Они ломались в дверь маяка. Я слышала их голоса.

«Карина! Выходи! Мы можем всё обсудить!» – кричал Марк. В его голосе не было ни капли прежней слащавой нежности. Только холодная целеустремлённость.

Мой ноутбук, который я нашла в доме зрителя, наконец, подал признаки жизни. Зашифрованные файлы с диска начали загружаться. А вместе с ними – программа-«червь», которую я, как выяснилось, приготовила на такой случай. Программа, которая при подключении к сети должна была разослать все файлы по заранее заданным адресам – в СМИ, правозащитные организации, конкурентам «Нейрона».

Но сети здесь не было. Ни мобильной, ни Wi-Fi. Однако...

Я посмотрела на мощную лампу линзы. Маяк посылает сигнал не по проводам. Он посылает свет. Видимый на десятки миль. А что, если модулировать этот свет? Превратить его в гигантский оптоволоконный передатчик? Свет можно закодировать.

Удар по двери. Она трещала.

Я подключила выход ноутбука к цепи управления аварийной лампой. Написала на коленке простейший скрипт, переводящий биты данных в короткие и длинные вспышки. SOS. Потом – поток данных. Это было примитивно, неэффективно, но это был сигнал. Скала Совы стояла на оживлённом морском пути. Кто-то должен был заметить аномалию – маяк, который моргает как сумасшедший, посылая в ночь не азбуку Морзе, а какой-то бешеный цифровой поток.

Дверь с грохотом поддалась.

Марк вошёл первым. Его лицо было искажено яростью.

«Глупая женщина! Всё, чего ты добилась, – это собственной гибели!»

«Зато мир узнает, чего добился „Нейрон“», – прошептала я, нажимая Enter.

Маяк вспыхнул. Не ровным светом, а серией ослепительных, безумных вспышек. Свет-ноль, свет-единица. Гигантский бинарный код, написанный лучом в небе.

Марк бросился ко мне, но его ослепило. Он закричал, закрывая лицо. Его люди застыли в нерешительности.

Я отступила к самому краю площадки, к разбитому окну.

Ветер хлестал меня по лицу. Внизу бились волны о скалы.

«Данные уйдут, Марк! – кричала я над рёвом ветра и яростным морганием маяка. – Их перехватят! Ты проиграл!»

«Нет! – зарычал он, пробираясь ко мне сквозь хаос света и тени. – Я просто сотру тебя навсегда! Создам новую Карину. Послушную. Или новую Лизу. Или кого угодно!»

Его рука сжала моё запястье. Его пальцы впились в плоть. В его глазах я увидела не человека, а машину. Идеальную, безжалостную машину по производству лжи.

И в этот момент, от его прикосновения, сквозь боль и ужас, прорвалось последнее, самое страшное воспоминание. Не туманное, а ясное, как тот самый свет маяка.

Я не была невинной жертвой. Я была создателем. Я стояла в белом стерильном зале «Нейрона» и наблюдала на мониторах, как в мозг подопытного – добровольца? пленного? – вживляются чужие воспоминания. Я видела его глаза, полкие ужаса и потери себя. И я... улыбалась. Я гордилась своей работой. Я была не Кариной-беглянкой. Я была доктором Кариной Волковой, гениальным и амбициозным монстром. А «прозрение» и побег... Были ли они частью эксперимента? Или я, в какой-то момент, действительно испугалась своего же детища?

память сейчас во мне? Кто я? Жертва? Палач? Имплант? Настоящая?

От этого вопроса сознание начало трещать по швам. Я смотрела на остервенелое лицо Марка, на мигающий в аго-

нии свет, на тёмную бездну внизу. И не знала ответа.

Я вырвалась. Не назад, к безопасности, а вперёд – на ветер, на свободу, в пустоту. Прыжок. Падение. Холодный объятия воды. Тьма.

Но перед самой тьмой – последняя вспышка маяка. Она прорезала воду, и мне показалось, что я вижу в её свете лицо. Не своё. Чьё-то другое. Незнакомое. И оно плачет.

А потом – тишина.

Сообщение в новостной ленте:

«Таинственные сигналы со старого маяка на Скале Совы привлекли внимание береговой охраны. На острове обнаружены следы пребывания людей, а также следы борьбы. В воде найдено тело женщины. Личность устанавливается. Эксперты проверяют странные данные, перехваченные с световых импульсов маяка – в них содержится информация о деятельности засекреченной лаборатории...»

В роскошном кабинете на высоком этаже человек, которого я знала как Доктора, отключает экран. Он смотрит в окно на ночной город.

«Проект „Хамелеон“ закрыть. Доказательства утекают. Готовьте новый протокол. И найдите следующего субъекта. На этот раз – мужчину. Средних лет. Имя – Артём. История должна быть проще. Он – бухгалтер, который потерял память после ограбления. Женат. Детей нет».

«А Волкова?» – спрашивает голос из темноты.

«Карина Волкова больше не существует. Как и Лиза.

Остался только носитель. И он нам больше не принадлежит. Но её методики... её методики бесценны. Мы на правильном пути. Личность – это всего лишь набор данных. А данные можно стереть, переписать, улучшить».

Он поворачивается от окна. Его лицо освещено холодным светом мониторов.

«Следующий этап начинается».

А в маленькой больничной палате на окраине города женщина с перевязанными руками приходит в себя. Над ней склоняется незнакомый врач.

«Доброе утро. Вы в безопасности. Вы помните, как вас зовут?»

Она смотрит на него пустыми глазами. Внутри – тишина. Белая, чистая, безбрежная тишина. Никакого моря. Никакого маяка. Никакого ключа.

Она медленно качает головой.

Врач улыбается.

«Не волнуйтесь. Это нормально. Всё будет хорошо. У вас впереди вся жизнь. И мы поможем вам её начать. С чистого листа».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.